

Караулов Михаил Александрович

Говор гребенских казаков

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
М69

М69 **Михаил Александрович К.**
Говор гребенских казаков / Караулов Михаил Александрович – М.: Книга по Требованию,
2024. – 114 с.

ISBN 978-5-519-88332-0

ISBN 978-5-519-88332-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Въ наше время гребенскія станицы занимають весь лѣвый берегъ Терека на протяженіи около 80 верстъ, начиная нѣсколько выше впаденія р. Сунжи въ Терекъ. Главное занятіе казаковъ земледѣліе и виноградарство, въ послѣднее время спльно упавшее благодаря распространенію различныхъ болѣзней винограда: сначала филлоксеры, а теперь главнымъ образомъ «милдью». Отхожихъ промысловъ нѣтъ, если не считать кратковременныхъ отлучекъ съ торговыми цѣлями, какъ напр., за рыбой, солью, досками и чихиремъ въ Кизляръ и къ морю или съ чихиремъ, арбузами и т. п. въ г. Грозный и въ Сунженскія станицы, да еще развѣ на заработки во время жатвы въ чеченскіе аулы или на Сунжу, гдѣ урожаи значительно лучше.

Какъ бы то ни было эти отлучки слпшкомъ случайны и кратковременны, чтобы замѣтнымъ образомъ отразиться на народномъ говорѣ, тѣмъ болѣе, что до послѣдняго времени всякія новшества очень туго прививались въ гребенскихъ станицахъ и даже школа, давая грамотность, мало отражалась на рѣчи, такъ какъ старообрядческое населеніе очень недружелюбно относилось къ введенію непривычныхъ словъ и выраженій. Такъ, напр., лѣтъ шесть-семь назадъ школьники лишь въ школѣ употребляли слово здѣсь, а дома говорили только тутъ, рискуя въ противномъ случаѣ подвергнуться насмѣшкамъ: до такой степени прочна была традиція.

Но съ началомъ религіозныхъ неурядицъ, когда нѣсколько лѣтъ назадъ появилось среди гребенцовъ единовѣрчество и такъ-называемое ¹⁾ православіе, явилась удобная почва для нововведеній въ общественномъ и семейномъ быту гребенцовъ. Старые устои постепенно расшатались и появились новыя привычки и взгляды. Стали, напримѣръ, гребенцы при встрѣчѣ подавать руки, не ограничиваясь просто поклономъ и привѣтствіемъ, какъ

1) «Такъ-называемое» потому, что эти православные считаютъ себя тѣми же старообрядцами, только что «съ настоящимъ попомъ, а не съ самоставленникомъ».

это велось прежде; бабы стали осмѣливаться переходить казакъ дорожку даже съ пустыми ведрами; завелись самовары, тарелки, стаканы и т. п.; начали казачки одѣваться по-русски и старый красивый костюмъ гребенички сталъ отступать передъ безобразной «рассейской» кофтой.

Разумѣется, начало всѣхъ этихъ повшествій надо отнести къ болѣе раннему времени, а за послѣднія шесть-семь лѣтъ они только стали уже не едипичными, какъ прежде, а общими. Конечно, впереди всѣхъ идетъ молодежь, а за ней мѣняютъ свои привычки и кто постарше.

Процессъ разложенія старыхъ традицій начался почти одновременно съ усиленіемъ значенія школы. Такъ, напримѣръ, въ ст. Червленной одноклассное училище, образовавшееся изъ бывшей когда-то полковой школы, дававшей право поступленія въ юнкерское училище, какъ разъ въ 1893 году было преобразовано въ двух-классное. Въ прошедшемъ, 1899—1900, учебномъ году въ этомъ училищѣ было всего до 200 мальчиковъ, которые распредѣлялись по классамъ слѣдующимъ образомъ:

Первый классъ: 1-ое отд. — 70, 2-ое — 60 и 3-е — 35.

Второй классъ: 1-ое отд. — 24, 2-ое — 15.

Кромѣ двухкласснаго станичнаго училища, въ ст. Червленной есть еще церковно-приходское для дѣвочекъ, да идетъ еще обученіе грамотѣ (по псалтыри и часослову) у «скитницъ» — богомольныхъ бобылокъ, живущихъ на краю станицы, въ сторонѣ отъ общей жизни, въ такъ-назыв. «скитахъ». Во всякомъ случаѣ грамотность, какъ можно видѣть изъ предлагаемой здѣсь небольшой статистической таблички, очень не высока и въ ст. Червленной, а въ другихъ дѣло стоитъ и того хуже.

	муж.	жен.
Общее число жителей	2762	2712
Казачьяго сословія	2713	2684
Иногородныхъ.	49	28

	муж.	жен.
Грамотныхъ ¹⁾	1037	85
Неграмотныхъ.	1725	2627
Казакѡвъ въ строю	180	—
Отпущено на зараб.	27	6

Само собой разумѣется, что въ числѣ прочихъ явился и новшества въ народномъ говорѣ, и онъ началъ измѣняться подѣ вліяніемъ городской и литературной рѣчи. Именно благодаря этому вліянію, звукъ *г* сталъ произноситься не по старому (= *g*), а такъ, какъ онъ произносится почти на всемъ югѣ Россіи, т. е. ближе къ латинскому *h*. По этому поводу пришлось мнѣ однажды выслушать такое разсужденіе: «Которыя учоныя, такъ те ушь *г* (= *h*) гаварятъ, ну а мы па учонаму ни знаимъ, па стараму гаваримъ, какъ деда наши гаварили: гара (= *gará*), рага́ми (*ragá*ши)»...

Наиболѣе богатъ характерными особенностями, какъ и слѣдуетъ ожидать, говоръ женщинъ, представляющихъ всегда и вездѣ наиболѣе консервативную часть общества. Да и негдѣ имъ «натѣ́рковаться новыхъ словъ» или мѣнять складъ рѣчи, такъ какъ женщины меньше казаковъ отлучаются изъ станицы. Однако разни́ца въ говорѣ мужского и женскаго населенія (явленіе самое обыкновенное) въ гребенскихъ станицахъ не такъ значительна, какъ, напримѣръ, въ сосѣднихъ моздокскихъ, и въ общемъ сводится къ тому, что гребенцы говорятъ нѣсколько тверже, рѣзче и грубѣе, чѣмъ гребенички. Такъ, указанное ниже мягкое произношеніе шипящихъ болѣе замѣтно у казачекъ. Такимъ образомъ съ этой стороны гребенской говоръ не представляетъ ничего особеннаго.

Прозвища, указывающихъ на особенность говора, мнѣ вообще не приходилось слышать на Терекѣ никакихъ; равнымъ

1) Въ числѣ этихъ грамотныхъ 3 студента Университета, нѣсколько гимназистовъ и гимназистокъ Ставропольскихъ гимназій и нѣсколько учатся въ различныхъ спеціальныхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

образомъ нѣтъ и прозваній съ оттѣнкомъ насмѣшки или тѣмъ болѣе презрѣнія, за исключеніемъ указанныхъ выше клочекъ хохловъ и старожилловъ: «шаповалы» и «батяки».

При собираніи матеріала наибольшее вниманіе обращено было мною на ст. Червленую, главнымъ образомъ по тому соображенію, что это наиболѣе населенная, а по мнѣнію нѣкоторыхъ, и самая древняя изъ всѣхъ гребенскихъ станицъ, и еще потому, что рѣчь въ ней, по выраженію самихъ гребенцовъ, «чище», т. е. свободна отъ особыхъ оттѣнковъ манеры произношенія, отличающихъ другія станицы. Поэтому ихъ я посѣтилъ, такъ сказать, мимоходомъ, останавливаясь лишь настолько, чтобы убѣдиться, что говоръ ст. Червленной можетъ дѣйствительно служить образчикомъ вообще гребенского говора, дѣлящагося на нѣсколько «порѣчій», различающихся лишь интонаціей и выговоромъ. Въ то время, какъ въ Червленной говорятъ чище, проще, безъ особыхъ оттѣнковъ, въ сосѣдней Щедринской станицѣ манера рѣчи нѣсколько иная, съ какимъ то своеобразнымъ распѣвомъ, сущность котораго мнѣ не удалось опредѣлить точнѣе, такъ какъ неожиданное нездоровье заставило меня прекратить работу раньше, чѣмъ я предполагалъ. Основываясь на бѣглыхъ первоначальныхъ наблюденіяхъ, можно лишь сказать, что щедринское «порѣчіе» отличается протяжностью произношенія, одни слоги оказываются какъ будто длиннѣе другихъ, и въ концѣ словъ является что то въ родѣ вторичнаго ударенія. Чѣмъ ниже по Тереку, тѣмъ глуше и грубѣе становится «порѣчіе». Уже въ Новогладковской ст. слова какъ бы застрываютъ въ горлѣ и съѣдаются: напр., гру вм. говорю и т. п.

Выше по Тереку отъ гребенскихъ станицъ лежатъ станицы бывшаго Моздокскаго полка, говоръ которыхъ довольно рѣзко отличается отъ гребенского: аканье значительно сплывѣе, 3-ье лицо обонхъ чиселъ оканчивается на *тъ*, а не *тъз*, какъ у гребенцовъ и т. п. Говоръ Кизлярскихъ станицъ очень близко подходитъ къ моздокскому, но крайней мѣрѣ въ общихъ чертахъ.

II. Источники.

Кромѣ личныхъ наблюденій надъ обыденной разговорной рѣчью гребенцовъ, мнѣ удалось найти кое-какой матеріалъ для характеристики говора въ печатныхъ изданіяхъ пѣсенъ гребенскихъ казаковъ. Этими печатными источниками послужили:

1) Л. Н. Толстой. Казаки. Повѣсть изъ жизни гребенцовъ въ 50-хъ годахъ.

2) Ф. С. Панкратовъ. Гребенцы въ пѣсняхъ. Сборникъ старинныхъ, бытовыхъ, любовныхъ, обрядовыхъ и скоморошныхъ пѣсенъ гребенскихъ казаковъ съ краткимъ очеркомъ гребенскаго войска и примѣчаніями. Владикавказъ. 1895.

3) М. П. Карпинскій. Русскій эпосъ на Терекѣ. Изд. въ Сборникѣ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа, вып. XXII. Стр. 33—42.

4) Его же. Старинныя пѣсни гребенскихъ казаковъ. Тамъ же, вып. XXIV. Стр. 1—42.

5) Его же. Гребенскіе казаки и ихъ пѣсни. Тамъ же, вып. XXVII. Стр. 69—112.

Нужно сказать, что я не рѣшился воспользоваться всѣмъ матеріаломъ, какой можно бы было извлечь изъ указанныхъ изданій, главнымъ образомъ изъ осторожности и недовѣрія къ печатному слову, а потому привожу лишь то, что не возбудило во мнѣ никакого сомнѣнія. Всѣ примѣры, взятые изъ печатныхъ

источниковъ снабжены ссылками на эти источники, причемъ для сокращенія № 1 обозначается чрезъ «Т.» съ римской цифрой, указывающей нумерацію главъ повѣсти «Казакъ»; 2—«П», 3—К. XXII, 4—К. XXIV и 5—К. XXVII. Арабскія цифры обозначаютъ страницы сборника и статей.

Фонетика.

Гласные.

При первомъ же знакомствѣ говоръ гребенскихъ казаковъ поражаетъ своей близостью къ литературной рѣчи, и именно въ силу этой близости представляетъ нѣкоторыя трудности при изслѣдованіи.

Одною изъ главныхъ особенностей говора Терскихъ казаковъ вообще, а гребенцовъ въ частности, является поразительная свобода рѣчи: самыя различныя діалектическія особенности встрѣчаются рядомъ не только въ рѣчи одного и того же лица, но даже сплошь и рядомъ въ одной и той же фразѣ. Словомъ, пословица «языкъ не быкъ: какъ хочешь, такъ и поворачишь» оправдывается какъ нельзя болѣе. Эта смѣшанность особенностей замѣчается даже въ такой существенной чертѣ казачьяго говора, какъ аканье: бываютъ случаи, когда безъ особеннаго труда можно замѣтить что-то въ родѣ слабыхъ остатковъ оканья; такъ, напримѣръ, род. ед. притяжательнаго мѣстоименія иногда произносится съ довольно явственнымъ *о* въ первомъ слогѣ: тво^ово, сво^ово, мо^ово. Впрочемъ, это разнообразіе чертъ очень естественно въ виду смѣшаннаго состава населенія.

Аканье въ говорѣ гребенскихъ казаковъ довольно слабое. Твердые неударяемые *а* и *о* въ произношеніи обыкновенно со-

впадаютъ, причемъ въ началѣ и концѣ словъ всегда¹⁾, а въ серединѣ въ слогахъ, стоящихъ непосредственно передъ удареніемъ, слышится нѣсколько закрытое *а*, приближающееся къ *о*: савá, травá, палítь, салítь, аддалá, мáсла. Впрочемъ иногда неударяемое *о* произносится гораздо уже, чѣмъ такое же *а*: слóва^а (род.) и слóва^о (им.), да^арáми и ро^огамн, угарóды, въ турбé, пупалáмъ.

Во второмъ слогѣ передъ удареніемъ и въ слогахъ, слѣдующихъ за ударяемымъ, звуки *а* и *о* совпали въ неясномъ краткомъ *а* или въ глухомъ близкомъ къ *а* (не къ *ы*): кѣрау́литъ, кѣрау́льшикъ, скѣраспéлки, скѣранíлъ, стѣрикú, пѣла-скáла билё, мѣладéцъ, хѣладнавáта, пѣселíлись, нѣчавалъ, зѣплатítь, пѣскарей и т. п. Иногда этотъ глухой можетъ исчезать совершенно: крапатíты (птенцы карапатки-курапатки), прасёначка, на пóвратахъ (и въ той же фразѣ — на паварóтахъ), краулить, краульшику, óкарка.

Результатомъ отождествленія звуковъ *а* и *о* въ неударяемыхъ слогахъ явились формы съ *ó* вм. *а* и обратно подъ удареніемъ: привóришь, привóритса, притóшутъ, дóритъ, дóрите, крóситъ комнату, вóлица, стóскана, чирикí плóтитъ, рубаха замóрана, скóмью, судóкъ (рыба судáкъ), закандóлили каня, въ кóзну, накрóтана, кóтица, навóлена, насóдють, атвóлица, брóница²⁾; — лáвить, лáвють, седáкъ, кáнчплся, кáнчивай, рыбу сáлють, буйлáкъ; излóтана (К. XXII, 35), выпóрхивалъ (К. XXII, 37), на што кóзну тпрять (К. XXVIII, 92), кóзну ни считаютъ (К. XXVII, 100) и др.

Мягкіе гласные *е* (звукъ *ь* вполне отождествился съ *е*) *и*, *а* (послѣ мягкихъ согласныхъ, шипящихъ и звуковъ *ц* и *ж*) въ не-

1) Исключенія, какъ игурцóвъ мнóга принислй, нашыгурцй, тригурцá, ытдыхáитъ, чрезвычайно рѣдки. Кромѣ слова огурецъ, ни въ одномъ другомъ не приходилось слышать *и* на мѣстѣ *о*.

2) Точно также находимъ *ó* на мѣстѣ *а* въ прилаг. кравóвый (кравóвая К. XXIV, 16) и въ длительныхъ глаголахъ: устрóпвать, замарозивать, пригáтóвливать, припóрхивала (К. XXVII, 109).

ударяемыхъ слогахъ не отождествилсь въ одномъ опредѣленномъ звукѣ, но только смѣшиваются одинъ съ другимъ. Звукъ *а* (*я*) сохраняется только послѣ шипящихъ и *ј*, въ слогѣ непосредственно передъ удареніемъ и передъ твердымъ согласнымъ: жарá, лашадéй, јазы́къ, јайшница; въ остальныхъ случаяхъ на мѣстѣ *а* (*я*) слышится звукъ *е* (средній между *а* и *и*), особенно въ началѣ словъ, или еще чаще отчетливое или неотчетливое *и*: петачо́къ, чесаво́й, јераво́й; свито́й, лигу́шки, свише́нникъ, свите́най, жиле́ю и др. Звукъ *е* въ значительномъ числѣ случаевъ сохраняетъ свое произношеніе, но звучитъ довольно неотчетливо¹⁾: перо́, везу́, јевó, перехо́тъ, перекати́ха, вечерко́мъ; послѣ *ц* и шипящихъ *е* сохраняется только передъ твердыми согласными: цена́, жена́, желу́дакъ, кружева́, Щедрѣ́нь, шесто́й; на мѣстѣ *е* слышится *и* не только передъ мягкими, но передъ твердыми: стрилѣ́ютъ, ни принисѣ́тъ, рыбѣ́ты, примпнѣ́ла, въ пичѣ́, систра́, впршѣ́нку и т. д.²⁾ Звукъ *а* (*я*) на мѣстѣ *е* является въ срединѣ словъ въ слогѣ, стоящемъ непосредственно передъ удареніемъ (однако спѣхавать) послѣ *ц* и шипящихъ, а послѣ мягкихъ согласныхъ лишь передъ *е*: чаты́ри, вчара́, бичава́, чака́, жалѣ́дакъ, жала́нте, апшала́ли две шапта́лы, цапа́ми, цалу́ить, качава́ли, нѣчава́ль, бушава́тъ, зарява́тъ (и зорева́тъ), днява́тъ, полнява́тъ (= полднева́тъ), гостява́тъ, ваява́ль, доляво́й, долява́я ла́вка, страяво́й ле́съ и т. п.; въ концѣ словъ *а* (*я*) вм. *е* слышится лишь въ открытыхъ слогахъ въ окончаніи *тя* (*те*) и послѣ шипящихъ: кре́пча, дѣ́жа, ка́къ жа, спѣ́тя, пи́штя, пайдѣ́тя и т. д. см. въ глаголахъ. Во второмъ слогѣ передъ удареніемъ и въ слогѣ слѣдующемъ за ударяемымъ звукъ *е* въ сочетаніи съ *р* (особенно въ приставкѣ пере-) можетъ сокращаться въ произношеніи до полного

1) Именно этотъ неопредѣленный звукъ, средній между *а* и *и*, но не тождественный ни съ тѣмъ, ни съ другимъ, мы обозначаемъ чрезъ *е* въ неударяемыхъ слогахъ.

2) *Е* на мѣстѣ *и* не встрѣчается.

исчезновенія, такъ что предшествующій *р* иногда даже теряетъ свою мягкость: на Тёрькѣ, среди Тёрька, на Тёрьку, за-пёрть, чѣмъ будишь пёрть (= перётъ, тащѣтъ), чѣрезъ два дни, пирьведѣсь, пирведѣсь, перправліють, перкатѣха, пиркрайла, пирменила, пирдавоѣ, персыпѣнмъ, перкарѣ-чился, перпеклѣсь, пербурѣвина, пергарадѣтъ (и въ 3-мъ слогѣ), пирпужѣлися (К. XXII, 35), первенчѣюсь (П. 100) и т. п.¹⁾ Наоборотъ гласный появляется и даже становится яснымъ въ читвѣрёгъ и читвѣригъ.

Въ ударяемыхъ слогахъ на мѣстѣ *ѣ* слышится *о* (*ѳ*) не только передъ переднеязычными: васкрѣсный, жерѣлка, сѣстры, сѣстровъ, аплѣтина яма (= колодець), недапѣинный, нѣбу дастѣтъ хѣтитъ и т. п. Впрочемъ въ тѣхъ же самыхъ условіяхъ *ѣ* можетъ и сохраняться: крѣсный сынъ, жерѣлка, сѣстры, пѣрушки (и у К. XXII, 38 — пѣрушки) и т. п. Звукъ *ѣ*, который, какъ мы выше упомянули, вполне стожествился съ *е*, и въ этомъ случаѣ раздѣляетъ участь древняго *е*: звѣздачка, вмѣшиваешся, неперемѣшина и рядомъ звѣздачка, за гнѣздами. Въ глагольныхъ окончаніяхъ только *ѣ*, не *ѣ*.

Въ началѣ словъ звукъ *е* (древній и изъ *ѣ*) можетъ и не имѣть јотациі: ѣсли, ѣдирцы (= яства) — ѣсли, ѣдирцы. Точно также указательное мѣстоименіе одинаково употребляется съ начальнымъ *ѣ* и *е*: ѣтотъ, ѣнтотъ, ѣта, ѣнтава.

Смѣшеніе мягкихъ гласныхъ въ неударяемыхъ слогахъ привело къ появленію *ѣ* и *ѣ* на мѣстѣ опускаемаго *я* (*а*) и *и* подъ удареніемъ въ самыхъ различныхъ случаяхъ: мѣчикъ, тѣнула асѣ въ ѣта мѣста, лѣшадъ запрѣжена, стучѣтъ будитъ, застучѣла, завизжѣла пуля, шѣтричекъ (П. 90); лампу спѣхнешь, адипъ аднаво спѣхаватъ, напѣхана, не отпѣхнешь (если только здѣсь *е* не развилось правильно изъ древняго: ср. пхѣтъ, пхнутъ), денабутъ зачѣнимъ уздѣчку,

1) Сюда же надо отнести единственный въ своемъ родѣ случай подобнаго же ослабленія гласнаго *и*: кудѣ нашъ слава пайдѣтъ?